Четыре лапы и одно большое сердце

Дмитрий Морозов и Анна Цветочек

Анна Швалова
Дмитрий Морозов

Четыре лапы и одно большое сердце

https://litres.ru/74938938
SelfPub; 2026

Аннотация

Пенсионер Николай Степанович из Читы находит щенка у старых гаражей и называет её Мартой. Через четыре года у собаки находят лимфому — и старик продаёт гараж, в котором занимался столяркой сорок лет, чтобы оплатить химиотерапию. Лечение даёт полную ремиссию, а дальше — соседи, кружка на рынке, мальчик Артём, метель, спасение чужой собаки, письма незнакомых людей и неторопливая старость, прожитая рядом.

Анна Швалова, Дмитрий Морозов Четыре лапы и одно большое сердце

ЧЕТЫРЕ ЛАПЫ И ОДНО БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ
повесть о человеке, собаке и второй попытке

Чита — Забайкальский край

Собаки не помнят дат и имён.
Они помнят любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог
Глава 1. Щенок у старых гаражей
Глава 2. Имя и первый месяц
Глава 3. Соседи, рынок и тайна бутерброда
Глава 4. Привычки, вечер и дом
Глава 5. Шишки на шее
Глава 6. Диагноз

Глава 7. Ночь перед решением
Глава 8. Гараж
Глава 9. Первый курс
Глава 10. Плохие дни
Глава 11. Кружка на рынке
Глава 12. Марта оживает
Глава 13. Контроль
Глава 14. Весна и поддерживающие курсы
Глава 15. Артём и собака без имени
Глава 16. День рождения
Глава 17. Внучка
Глава 18. Год спустя
Глава 19. Метель
Глава 20. Письма
Глава 21. Седая морда
Глава 22. Тринадцатый год
Глава 23. Пятнадцать лет
Глава 24. Финал
Эпилог
Приложение. Дневник Николая Степановича
Послесловие

Пролог

Марта знала этот утренний скрип калитки лучше, чем любой другой звук на свете. Она сидела на своём месте — у крыльца, третьей ступеньки, на вытертом до гладкости поло-

вичке — и ждала. Ждала так, как умеют ждать только собаки: всем телом, всем сердцем, без остатка и без уныния.

Из дома вышел Николай Степанович. Он держал в руках две кружки — одна с кипятком, вторая с его утренним чаем — и мятый конверт из районной поликлиники, который он так и не решился вскрыть вчера вечером.

— Ну что, Марта, — сказал он, присаживаясь на ступеньку. — Проверяем, куда нас судьба привезла.

Марта положила морду ему на колено. Ей было восемь лет, и в последнее время она устала быстрее прежнего. Пенсионер гладил её по загривку — осторожно, потому что под левой челюстью она сама находила у себя странную припухлость, которой раньше не было.

— Слышишь, часики бьют? — Николай Степанович кивнул на старые напольные часы в окне. — Семь. Значит, живём дальше.

Он разорвал конверт. Направление. Анализы. Приём в ветеринарной клинике через два дня. Он сложил бумагу и спрятал её в карман ватника — туда, где обычно лежали мелочь и ключ от гаража.

— Не бойся, — сказал он собаке тихо. — Я никуда тебя не отдам. Я всё решу. Я — хозяин, значит, отвечаю за тебя до конца.

Марта ткнулась мордой в его ладонь. За забором кричали воробьи, по соседней улице проехал трактор, пахло дымом из печных труб — октябрь в Чите уже намертво прижился

в воздухе.

Никто ещё не знал слов «лимфома» и «химиотерапия». Никто ещё не знал, что впереди — курс лечения, дурные ночи, пустой кошелёк и полное — полное до краёв — сердце.

Это история про то, как человек и собака спасли друг друга. Про четыре лапы и одно большое сердце.

Про НИХ.

Глава 1. Щенок у старых гаражей

Николай Степанович Мещеряков, отставной учитель труда и персональный мастер по столярке, утром шёл за солью. Была суббота, конец апреля, где-то за пеленой мороси начинался забайкальский предрассветный туман.

— Соль, хлеб, запчасть на дверную ручку, — бормотал он себе под нос, но вместо гаражей, за которыми был магазин, остановился как вкопанный.

У старой кособокой тумбы, между ржавыми воротами, дрожал щенок. Не просто дрожал — собирался, если так можно сказать, в один маленький кусочек несчастья. Лапки поджаты, хвост поджат, бурые пятна грязи на бледной шкурке. На голове — залысина.

— Так, — сказал Николай Степанович.

Он присел на корточки и протянул руку.

— Не бойся. Я не кинолог, я учитель труда. Я тридцать лет детей досмотрел, теперь можно и тебя.

Щенок заскулил и не сдвинулся с места.

— Ну да, ну да. Тебя, вероятно, выкинули. Люди такие. Может, взрослая собака была, может, помёт — не знаю. Ну ладно. Давай так: я тебя сейчас заберу домой, покормлю, а завтра посмотрю, что с тобой делать. Согласен?

Щенок ткнулся носом в его ладонь.

— Значит, согласен, — сказал Николай Степанович.

Дорога до дома заняла двадцать минут вместо привычных семи. Щенок упирался, скользил на ровном месте и один раз так отчаянно завыл, что его чуть не слышали три улицы. Николай Степанович снял с себя старый ватник, замотал щенка в него и нёс на сгибе локтя, как свёрток с вишней.

У дома их встретила соседка Зинаида Фёдоровна — в тёплой кофте, с дыркой на локте, и в своём вечном виде «выйду на пять минут».

— Николай, ты с кем это?

— С соленым огурцом, — буркнул он.

— А чего он скулит?

— Потому что солёный, — сказал он, не моргнув глазом, и прошёл в подъезд.

Зинаида Фёдоровна посмотрела ему вслед, потом на небо, потом на свой крылечко и сказала громко:

— Николай Степаныч, ты, что ли, дурной?! Тебе шестьдесят семь лет, ты на собаку с пенсией дурить не будешь!

Он закрыл дверь за собой. Внутри, в прихожей, поставил щенка на старое одеяло. Тот замер, огляделся и упал на бок — просто сдался, лёг и задышал так, как дышат только те,

кто совсем выбился из сил.

— Так, — сказал Николай Степанович и почесал в затылке. — Так-так-так.

Он пошарил в холодильнике. Нашёл оставшийся с обеда бульон и остаток варёной говядины — та самая говядина, которую он берёг для субботней ухи.

— Ну что ж, — сказал он, наливая бульон в миску, которая была раньше миской для краски. — Считай, что уха откладывается.

Щенок поел, как ест существо, которое не уверено, будет ли еда завтра. Потом повалился спать и захрапел — маленький, дребезжащий, с гниющей внутри лапкой.

Николай Степанович сел рядом на пол, прислонился к тумбе и долго смотрел на него.

— Так и будем жить, — сказал он наконец. — Хуже не будет. Обещаю.

Он не знал ещё, что обещание, которое он дал щенку у старых гаражей, он будет держать четыре года, две ночи в клинике, один страшный телефонный звонок и целую зиму, когда все деньги будут уходить в чужие руки — в руки врачей.

Он также не знал, что щенок отдаст ему то, чего не отдаст никто: уши, время, терпение и самую настоящую — не парадную, не подаренную — любовь.

Щенку было около двух месяцев. Ей — а это была сука — дали имя через три дня. Дом назвал её сам. Она сидела

у окна и смотрела на улицу, где утром стоял туман, а днём — просто белая мгла.

— Марта, — сказал однажды Николай Степанович. — Ты Марта. Не спрашивай, почему. Просто Марта.

И Марта взмахнула хвостом — так, как машут те, кто с этого дня готов поверить, что у них есть имя, дом и человек.

Глава 2. Имя и первый месяц

Первую неделю Марта — пока ещё безымянная, щенка всё звали «эй» и «ну» — жила в старом картонном ящике из-под кефира. В ящике были газеты, кусок одеяла и полная неустроенность. Ей это не мешало. Ей вообще ничто не мешало — она была слишком маленькая и слишком измученная, чтобы быть вредной.

Николай Степанович каждое утро проверял её уши, лапки, глазки, животик. Он не был ветеринар. Но он был учитель труда сорок лет — а значит, умеет смотреть на вещи внимательно и говорить с ними простыми словами.

— Ну что, девочка, — говорил он утром, — темпиратуры нет, кушаешь нормально, гуляешь понемногу. Значит, живём.

Марта слушала его так, будто понимала каждое слово.

Зинаида Фёдоровна приходила через день. Приходила по очень простой причине: старику, живущему одному, нужен кто-то, кто заходит «на минуточку» и остаётся на два часа.

— Николай, у тебя корм есть? — спрашивала она, входя

без стука, как у соседей.

— Есть, — отвечал он.

— А чем кормишь?

— Бульоном.

— Бульоном! — Зинаида Фёдоровна ставила сумку на пол. — Бульон собаке — это как тебе водка с утра. От неё радость, но пользы нет. Я тебе купила крупу, минтай и простоквашу. Марта — это как ты её назвал? — Марта будет есть нормально.

— Марта, — подтвердил он.

— А почему Марта?

— Потому что она смотрит так, как смотрела моя первая ученица в первом классе. — Он повел рукой. — Знаешь, как будто всё вокруг — большое и непонятное, и надо только оставаться приличным.

— Это как?

— Это вот так, — сказал он и махнул рукой в сторону Марты, которая в это время усаживалась на коврике, поворачивала морду к нему и смотрела на него именно так — как будто всё вокруг большое, а она остаётся приличной.

К концу месяца Марта окрепла. Лапка, которая при находке не гнулась, стала сгибаться. Шерсть — бледная, грязная, с залысинами — начала блестеть. Она выросла, хотя, как оказалось позже, не настолько, чтобы стать крупной: Марта была небольшая, криволапая, с белым пятном на груди и с усами, которые задавали ей характер.

— Марта, дай лапу, — говорил Николай Степанович.

— Она не умеет, — возражала Зинаида Фёдоровна. — Ты кто — циркач?

— Она умеет, она просто не хочет. Это, между прочим, очень человеческое поведение.

Однажды, когда Зинаида Фёдоровна стояла в прихожей и разговаривала, Марта подошла к ней, села и протянула лапу.

— Во! — сказала Зинаида Фёдоровна. — Слышал?

— Слышал, — сказал Николай Степанович. — Значит, я не циркач, а учитель.

На что Зинаида Фёдоровна ответила, что учитель он только в прошлом, а теперь — простой упрямый старик, у которого живёт собака.

— Простой, — согласился Николай Степанович. — Но у меня живёт собака, и это делает жизнь интереснее, чем у некоторых.

Зинаида Фёдоровна вытерла глаза рукавом — от смеха или от жалости, она сама не знала.

В первый месяц Марта сделала три открытия.

Первое: в доме есть порядок. Есть места, где можно, и места, где нельзя. Есть время, когда пускают на кровать, и время, когда выгоняют. Есть человеческий голос, который может быть строгим и может быть ласковым, и надо научиться различать.

Второе: этот большой человек, который живёт с ней, никогда не бьёт, но иногда очень сильно расстраивается, когда

она грызёт тапок. Значит, тапок надо не грызть, а носить ему — и он сразу успокаивается.

Третье: у дома есть запах, который будет с ней всю жизнь. Запах старого дерева, чая, табака, капусты и человека. Запах хозяина. Запах дома.

И как только она это поняла, она перестала быть щенком-без-места и стала Мартой — существом, у которого есть имя, человек и судьба.

А Николай Степанович в это время делал своё собственное открытие. Он обнаружил, что разговаривает с собакой вслух — по-настоящему, серьёзно, с интонацией, с паузами, с вопросами. Что он загоняет её на ночь на коврик не потому, что надо, а потому, что ему так спокойнее. Что он просыпается в шесть утра и смотрит, как она дышит.

— Это уже, как говорится, диагноз, — сказал он себе однажды вечером. — Мне шестьдесят семь, у меня собака, и я разговариваю с ней, как с сотрудником. Мне нужно на пенсии чем-то заняться.

Марта посмотрела на него снизу вверх — а куда же ещё смотреть, если ты маленькая, а он большой.

— И на тебя смотреть, — согласился он. — Тоже занятие.

Глава 3. Соседи, рынок и тайна бутерброда

К лету Марта стала местной знаменитостью. Не в масштабе города — в масштабе двора.

Она знала всех. Она знала тётку из квартиры напротив, у

которой всегда пахло пирогами. Она знала бабу Люду с второго этажа, у которой был строгий голос и добрая ладонь. Она знала мальчика Артёма с третьего, который сперва её боялся, а потом не мог пройти мимо. Она знала дворника Виту и сантехника Мишу и девочку с велосипедом, которая звала её «Мурта», потому что не выговаривала «р».

— Мурта! Мурта! — кричала девочка с велосипедом каждое утро.

— Марта, — строго поправлял Николай Степанович.

— Мурта!

— Ладно, — сказал он однажды. — Мурта так Мурта. Ты просто постарайся к школе научиться «р».

Двор вокруг Марты стал организовываться по-новому. Раньше он был просто двором, где играли дети, сушили бельё и ругались соседи. Теперь он был двором, где жила Марта. И люди, идя через двор, замедляли шаг, чтобы посмотреть на неё, а кто-то — улыбался, вспоминая что-то своё.

На рынке у Зинаиды Фёдоровны был постоянный продавец — Василий Петрович, мясник с двадцатилетним стажем и золотыми руками. Когда Николай Степанович начал брать для Марты обрезь и кости, Василий Петрович стал откладывать лучшее — не за деньги, а по доброте.

— На, возьми, — говорил он. — Это не для супа. Это для неё.

— Василий Петрович, я не могу просто так брать.

— Можешь. Это не «просто так». Это — за то, что вы с

ней ходите каждый день, и она — здоровая, и люди на неё смотрят и улыбаются. Улыбка — это тоже продукт, её тоже производить надо.

Николай Степанович смеялся, но деньги оставлял всё равно. Василий Петрович смеялся в ответ и клал их обратно в карман.

Однажды произошла история, о которой во дворе рассказывали потом два месяца.

Марта, которой тогда было около года, сидела у крыльца и ждала. Она всегда ждала у крыльца, когда Николай Степанович уходил в магазин. Но в тот день он задержался — встретил старого товарища по цеху, разговорились, потом зашли за солью, потом про дверь в подъезд забыл.

Марта сидела сорок минут. Потом встала, обошла двор, вернулась к крыльцу, села и стала смотреть на подъезд.

Через час она сделала то, чего никто не ожидал. Она вышла из двора через приоткрытую калитку и пошла в сторону магазина — по привычному маршруту, по которому Николай Степанович ходил каждое утро. Просто шла — спокойная, деловая, не скуля, не беспокоясь, не паникуя. Шла искать.

Её нашёл дворник Витя.

— Николай Степаныч! — заорал он ему в спину через весь двор. — Твоя Марта на Красноармейскую пошла!

Николай Степанович обернулся.

— Что?!

— Идёт! Делом занята, серьёзная, на людей не смотрит!

Он побежал. Он, в свои шестьдесят семь, побежал так, как не бегал со студенчества. Он догнал её на повороте.

— Марта!

Марта села и посмотрела на него так, как смотрели работники, которых начальник застаёт на месте: «Ну что? Я не при чём».

— Ты! — задыхался он. — Ты! Одна! По улице!

Она мотнула хвостом. Он присел на корточки, обхватил её руками и прижал к себе. Марта лизнула ему в щёку, будто хотела сказать: «Ну, я же нашла тебя».

— Да, — прошептал он. — Нашла. Нашла. Всё, больше никуда одна не ходишь. Никогда.

Про этот случай во дворе рассказывали долго. Зинаида Фёдоровна добавляла в рассказ подробности, которых не было. Мальчик Артём уверял, что Марта шла «по обочине, как люди». Дворник Витя говорил, что она «профи, а не собака».

А Марта всё это время лежала у крыльца на своём половичке и ждала. Она уже всё поняла: дом — это не стены. Дом — это человек. А человек — это тот, кто возвращается.

И пока он возвращается, у тебя всё есть.

Тайна бутерброда раскрылась позже.

Николай Степанович каждое утро брал с собой на рынок маленький бутерброд — для себя, на случай, если встанет в очередь. Он держал его в левом кармане ватника.

В какой-то момент он заметил, что бутерброда нет. Про-

сто нет. Он искал его два дня, находил сухарики, находил фантики, находил всё, кроме ответа.

А ответ был рядом. Ответ сидел у его ног и делал вид, что ни при чём.

— Марта, — сказал он однажды вечером. — Покажи лапу.

Она показала. Он заглянул в пасть — там были следы колбасы.

— Так, — сказал он. — Значит, так.

С того дня бутерброд стал нести в правом кармане. А для Марты стало законом: левый карман — её территория, правый — его. Иногда, когда он клал бутерброд в правый, она садилась и смотрела на него с укором.

— Не по-божески, да? — смеялся он. — Согласен. Несправедливо. Но не по-детски же мне падать, когда ты начинаешь просить.

Марта вздыхала. Взрослые люди — всегда так.

Глава 4. Привычки, вечер и дом

У Марты был свой мир — маленький, точный, построенный за первый год жизни.

Её место было у крыльца. Точнее — третьей ступеньки, там, где половичок, который Зинаида Фёдоровна называть «старьём», а Николай Степанович называть «зоной Марты».

Её утро начиналось в шесть. Она ходила к двери, садилась и начинала тихо возиться: не скулить, не лаять, а именно возиться — тереть морду о пол, вздыхать, делать вид, что ей

очень скучно.

— Ладно, ладно, — говорил Николай Степанович из-под одеяла. — Встаю.

И вставал.

Утро было особым временем. Он наливал ей воду, насыпал корм, убирал её миску, проверял лапки. Она сидела рядом и следила за всеми его движениями — как сотрудник, который контролирует начальника.

Потом — прогулка. Двор, скамейка, почтальон Витя, сосед с газетой, тётя с сумкой. Всё это Марта знала и встречала по-разному: кому-то кивала головой, кому-то подставляла спину, к кому-то подходила и стояла — просто стояла, потому что этому человеку было плохо, и собака это чувствует.

Потом — завтрак. Потом — он уходил по делам. Она садилась у двери и ждала. Ждала так, как умеют ждать только преданные.

— Не смотри так, — говорил он, натягивая куртку. — Ты у меня взглядом разишь.

— Вав, — отвечала она.

— Ага. «Вав». По-нашему это «брось меня не надо». Ладно. Я вечером.

Вечер был главным временем. Вечером они гуляли долго — по аллее, по парку, по обочине за домом. Николай Степанович рассказывал ей обо всём: о политике, о рыночных ценах, о том, что у соседа upstairs протекает крыша, о том, что современная молодёжь...

— Современная молодёжь, — говорил он, — вообще.

— Вав, — говорила Марта.

— Именно. Ты права.

Иногда вечером они сидели на скамейке. Он — на скамейке, она — у его ног. И было тихо. Не «как-то тихо», а по-настоящему: тишина города, тишина дерева, тишина между двумя существами, которые хорошо друг друга понимают.

— Ты знаешь, — говорил он однажды, — я ведь раньше думал, что смысл в том, чтобы доучить детей и выйти на пенсию. А теперь смотрю — смысл в том, чтобы утром налить тебе воду и посмотреть, как ты пьёшь.

Марта поднимала морду и смотрела на него.

— И что ты пьёшь, — повторял он. — Это как раз тот случай, когда жизнь выглядит просто, а на деле — важнее всего.

Раз в месяц они ходили в ветеринарную клинику — на плановый осмотр. Это была маленькая клиника на Транссибе, с зелёной вывеской, с сильным запахом спирта и вечно недовольной кошкой на окошке приёма.

Там Марта познакомилась с ветеринаром Анной Сергеевной.

Анне Сергеевне было около сорока. Она была спокойная, серьёзная, с хриплым голосом и с руками, которые знали своё дело. Она осматривала Марта, слушала сердце, смотрела зубы, взвешивала.

— Растёт нормально, — говорила она. — Кости чистые.

Уши в порядке. Вес на границе, но это нормально для такой породы, как она. Какая она у вас вообще?

— Марта, — отвечал Николай Степанович.

— То есть?

— Марта. Порода «Марта». Она сама знает.

Анна Сергеевна усмехалась.

— Понятно. Ну, Марта — значит Марта. Главное, чтобы вы её вовремя показывали. В её возрасте с этим шутить нельзя.

— Что значит — нельзя? — спросил Николай Степанович. — У неё что-то есть?

— Нет. Пока нет. Но любая собака, как и любой человек, может заболеть. Поэтому — показывайте вовремя, кормите нормально, не перекармливайте, гуляйте.

— Гуляем по два часа, — гордо сказал он.

— Тогда отлично. Вы, господин Мещеряков, редкий владелец. У меня половина хозяев гуляют по двору «до столба и обратно», а потом жалуются, что собака плохо себя ведёт.

— Если люди не гуляют с собакой, — сказал он, — значит, у них нет времени на жизнь. Собака — это не хобби, это человек.

Анна Сергеевна посмотрела на него внимательно — так смотрят люди, которые за годы работы привыкли слышать всё, но не всегда — правду.

— Красиво сказано, — сказала она. — Жаль, что в жизни не всегда так.

— В жизни всегда можно так. Просто это тяжело.

— Да, — согласилась она. — Тяжело.

Вечером, на обратной дороге, Марта тащила поводок в зубах и шла вперёд, будто она — хозяин прогулки. Николай Степанович шёл за ней, держал в руке пакет с кормом и думал о том, что где-то там, в будущей жизни, которая пока ещё не случилась, будет всё хорошо.

А пока — есть вечер, есть аллея, есть запах осени и есть собака, которая идёт впереди и верит в тебя.

Этого достаточно.

Глава 5. Шишки на шее

Всё началось тихо. Тихо, как всегда начинается всё важное.

В октябре, на четвёртом году их жизни, Марта стала быстро уставать. Не так чтобы совсем — просто на вечерней прогулке она останавливалась раньше, садилась, смотрела на Николая Степановича и ждала, когда он пойдёт дальше.

— Что? — спрашивал он. — Устала?

Она мотала хвостом — то есть «да», то есть «нет», то есть «не знаю».

— Ладно, идём медленнее.

Через неделю она стала меньше есть. Не отказываться от еды — она не умела отказываться, для неё еда была не удовольствием, а жизнью. Но она ела медленнее, с перерывами, посматривая на него.

А потом он нашёл шишку.

Это было случайно. Он гладил её по загривку — как всегда, вечером, когда она лежала у него на коленях, — и под левым нижним пальцем вдруг нащупал твёрдое, размером с фасоль.

— Что это? — сказал он вслух, как будто она ответит.

Она не ответила. Она просто посмотрела на него снизу вверх — с доверием, как всегда.

Он промял это место пальцами. Шишка не болела. Она просто была.

На следующий день он нашёл вторую. На третьей стороне шеи. Потом — под челюстью. Потом — ещё одну, под мышкой, когда он гладил её за ужином.

Он не паниковал. Он не был из тех, кто паникует. Но он перестал спать.

В четыре утра он сидел на кухне с чаем и гуглил — то есть открывал ноутбук, который купил восемь лет назад и до сих пор не умел толком пользоваться, — и вбивал в поиск слова, которых не знал неделю назад: «лимфоузлы», «увеличенные», «у собак», «что делать».

Интернет предлагал всё: от «не переживайте, так бывает» до «бегом в клинику». Он читал, читал, читал — и не понимал ничего.

В шесть утра Марта проснулась, подошла к нему, положила морду ему на колено и вздохнула.

— Знаю, — сказал он. — Знаю, девочка. Сейчас всё будет.

Он позвонил в клинику в восемь.

— Доброе утро. Это Мещеряков, Марта. Мне надо записаться. Не к вам, к Анне Сергеевне. Не на плановый. Сейчас.

— Что случилось? — спросил голос на другом конце.

— Не знаю. Шишки. Под челюстью, на шее. Она быстро устаёт. Она стала меньше есть.

Голос на том конце помолчал.

— Приходите сегодня. После обеда. Анна Сергеевна будет.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо.

Он повесил трубку и сел на кухне. За окном шумел город. Куда-то ехали люди, где-то играли дети, где-то варили суп, где-то ругались, где-то ждали возвращения — как Марта ждала его каждое утро.

Всё это было. Мир продолжал жить.

А он сидел на кухне и не мог понять, что с его собакой. Он знал только, что это — не просто усталость. Он был учитель труда, а не врач, но он умеет смотреть на вещи внимательно. И он видел: что-то не так.

Он положил руку на голову Марты.

— Не бойся, — сказал он тихо. — Я всё сделаю. Что бы ни было — я всё сделаю.

Марта ткнулась мордой ему в ладонь. Ей было восемь лет. И она верила ему так, как умеют верить только собаки: полностью, без оговорок, до самого конца.

Он не знал ещё, чем всё это закончится. Он не знал ещё,

что впереди — два страшных месяца, лечение, дурные ночи, пустой кошелёк, поддержка соседей, любовь незнакомых людей и самый настоящий, взрослый, человеческий страх.

Он знал только одно: он не откажется. Никогда. Ни от чего.

Вечером они пошли в клинику.

Глава 6. Диагноз

Клиника на Транссибе встретила их запахом спирта и мокрых подошв. На окошке приёма сидела та же недовольная кошка. Марта села у ног Николая Степановича и положила морду ему на ботинок.

Анна Сергеевна вышла в коридор сама.

— Проходите, Николай Степанович.

В кабинете она посадила Марту на стол. Марта сидела спокойно — она привыкла к этой женщине за четыре года. Анна Сергеевна прощупала шею, челюсть, подмышки, пах.

— Сколько их у вас? — спросил Николай Степанович.

— Много, — сказала Анна Сергеевна тихо. — Пять, шесть. Все увеличенные. Стройные, круглые, подвижные. — Она помолчала. — Вам это ни о чём не говорит, я знаю. Мне — говорит.

— Что это?

— Не будем спешить. Сначала — анализ. Возьму тонкой иглой, это не больно. Плюс — кровь. И посмотрим.

Иглу Марта пережила спокойно. Кровь — тоже. Она толь-

ко один раз повернула морду к Николаю Степановичу, и он понял: она спрашивает.

— Всё в порядке, — сказал он. — Всё в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.